

УДК 8(091)

**ЛИЧНЫЙ АРХИВ ЛИТЕРАТУРОВЕДА
КАК КОМПЛЕКС ИСТОЧНИКОВ
(на материале архива профессора Е.Г. Бушканца)**

Л.Е. Бушканец

Аннотация

В статье рассматривается личный архив литературоведа как комплекс источников, определяется их специфика. Данная научная проблема исследуется на примере архива профессора, доктора филологических наук Е.Г. Бушканца, чья научная деятельность связана как с Казанским университетом, так и с Казанским государственным педагогическим институтом. Анализ источников из названного архива является необходимым условием для дальнейшего изучения истории российского литературоведения второй половины XX века. Статья содержит ценные, ранее не публиковавшиеся материалы.

Ключевые слова: личные архивные фонды, история литературоведения второй половины XX века.

В последние десятилетия российская наука о литературе активно занимается собственной историей – и не только XIX – начала XX в., но и второй половины XX в. Появляются биографии литературоведов, исследования научной деятельности крупнейших представителей научных школ, публикуются литературоведческие мемуары и переписка литературоведов¹. И все же в нашем распоряжении чрезвычайно мало источников по истории провинциального литературоведения², без которых история нашей науки в целом не может быть восстановлена.

Необходимым условием изучения истории литературоведения является наличие источниковедческой базы, прежде всего – исследование личных архивов литературоведов и выявление типов материалов, составляющих архив, определение специфики их как источников³.

---

¹ В основном внимание историков науки привлекают крупнейшие литературоведы второй половины XX в.: Ю.М. Лотман, Ю.Г. Оксман, Д.С. Лихачев, Л.Я. Гинзбург и некоторые другие (см., например, [1–5]).

² Собственную историю, помимо ученых Казанского университета, активно изучают литературоведческие школы Саратовского университета (где в 2010 г. была проведена Всероссийская научная конференция «Наследие А.П. Скафтымова и перспективы развития филологической науки», вышел сборник «Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре» (см. [6]), а также справочное издание «Литературоведы Саратовского университета. 1917–2009» (см. [7])) и Самарского педагогического университета (где была проведена 30-я юбилейная зональная конференция литературоведов Поволжья «Вторые Бочкаревские чтения», посвященная 100-летию со дня рождения доктора филол. наук, проф. В.А. Бочкарева).

³ Одна из первых попыток в этой области – исследование личного архива проф. В.А. Бочкарева, который поступил в Гос. архив Самарской области в 1997 г. (Ф. Р-3325. Ед. хр. 156. 1934–1993 гг. Оп. 1). В его составе – статьи, материалы для издания книг и пособий, рецензии, лекции, тексты докладов, отчеты о работе кафедры, переписка с сыном, с вузами и научными центрами страны, с редакциями газет и журналов, документы (аттестаты, дипломы, командировочные удостоверения), отзывы о работах Бочкарева, юбилейные телеграммы и адреса, автобиография, список опубликованных работ (см. [8]). Изучаются также личные архивы Ю.М. Лотмана, Ю.Г. Оксмана и др.

Одним из известных казанских литературоведов второй половины XX в. был Ефим Григорьевич Бушканец (12 ноября 1922 г. – 16 ноября 1988 г.), чья деятельность была связана и с Казанским университетом, и с Казанским государственным педагогическим институтом.

Е.Г. Бушканец родился в г. Перми (тогда г. Молотов), вскоре его родители переехали в Казань. Уже в школе вместе с Г.Н. Вульфсоном, позже профессором-историком Казанского университета, он участвовал в работе школьного литературного кружка, сообщения об архивных разысканиях (это были новые материалы о казанском периоде жизни Льва Толстого) ученика десятого класса Ефима Бушканца появились в печати в 1939 г. Как обладатель «золотого аттестата», Е.Г. Бушканец в 1940 г. был принят без экзаменов на только что восстановленное филологическое отделение историко-филологического факультета Казанского государственного университета. В 1942 г. он был призван на фронт, демобилизовался в августе 1945 г. и вернулся в университет.

Будучи студентом, он продолжал архивные разыскания и нашел буквально валяющийся на полу после переезда университетского архива в другое помещение документ – прошение В. Ульянова о выходе из Казанского университета, написанное в декабре 1887 г., после сходки казанских студентов. Уже в студенческие годы Е.Г. Бушканец начал работать в Государственном краеведческом музее Татарии (сейчас Национальный музей Республики Татарстан) заместителем директора В.Н. Дьяконова по научной работе. Будущий ученый не боялся высказывать свое мнение: студентом он не раз говорил о слабом уровне гуманитарного образования в университете 40-х годов, поддерживал и студентов 50-х годов (среди них был известный современный критик и литературовед Игорь Золотусский), которые неоднократно говорили о том же. Из-за независимого характера по окончании университета он получил назначение на работу учителем на железнодорожный полустанок под Читой. Но В.Н. Дьяконов сумел доказать, что Бушканец нужен Казани как специалист.

Заместителем директора музея Е.Г. Бушканец проработал около 20 лет. С конца 40-х годов он начал публиковать в казанских газетах, научных сборниках материалы на тему «Русские писатели и Казань», помогал начинающим краеведам, выступал перед школьниками и учителями, советовал, с чего начать поиски, через газеты призывал казанцев поделиться своими открытиями, обнародовать материалы личных архивов и т. д. Е.Г. Бушканец был инициатором и редактором краеведческих сборников, а в 1961 году стал автором первого в послереволюционные годы путеводителя по Казани, ставшего популярнейшим изданием (2-е изд. 1964 г.). Благодаря Е.Г. Бушканцу на одном из домов ул. Лобачевского была установлена мемориальная доска в память о нескольких годах, проведенных в Казани актером Василием Ивановичем Качаловым. Дружба связывала Ефима Григорьевича с казанским музеем М. Горького, с Национальным музеем РТ, с музеем истории Казанского университета, инициатором создания которого он выступил еще студентом (музей был создан в 1979 г. С.В. Писаревой, профессионализм которой Е.Г. Бушканец высоко ценил).

В 1955 г. Е.Г. Бушканцем в Саратовском университете была защищена кандидатская диссертация на тему «Борьба журнала “Современник” за политическое воспитание писателей-демократов (1859–1861)». Именно тогда определились

его научные интересы: история общественной мысли России XIX века, история общественных движений и ее связь с литературой. В 1963 г. в Пушкинском Доме (ИРЛИ) в Петербурге Е.Г. Бушканец защитил докторскую диссертацию на тему «Русская нелегальная поэзия второй половины 50-х – начала 60-х годов XIX века», которая была высоко оценена оппонентами – акад. М.В. Нечкиной, чл.-корр. АН СССР П.Н. Берковым, доктором филологических наук Ф.Я. Приймай. Однако диссертация была написана на стыке истории и литературоведения, что дало формальный повод небезызвестному деятелю от науки А.И. Ревякину, стороннику «политически выдержанного» литературоведения, на несколько лет задержать утверждение работы в ВАК и потребовать переделки первой главы.

Вскоре после защиты Е.Г. Бушканец был приглашен в КГПУ, где стал (до 1988 года) заведующим кафедрой литературы. Это была одна из лучших кафедр литературы в Поволжье. Е.Г. Бушканец гордился своими сотрудниками: Т.Д. Фроловой, Т.А. Геллер, К.С. Тунаковой, Л.А. Беляевой, Г.А. Альмухамедовой, А.И. Линцер, Л.М. Котельниковой и др. Не раз после открытой лекции говорил студентам о том, как им повезло слушать таких замечательных лекторов. Годы заведования пришлись на период застоя: это было время многочасовых партсобраний, нелепых и многочисленных справок, придинок к людям самостоятельным и независимо мыслящим. Потому кафедре литературы, на которой таких людей было немало, приходилось сталкиваться с частыми унижениями и несправедливостью.

Под руководством Е.Г. Бушканца на кафедре шла научная работа. Он был составителем и редактором сборников «Казань в истории русской литературы», «Вопросы источниковедения русской литературы». Благодаря его разысканиям Казань была включена в широкий контекст истории русской литературы в целом. Сам он занимался изучением творчества А. Герцена, Л. Толстого, В. Короленко, М. Горького, И. Тургенева, атрибутировал и датировал много произведений этих авторов. Его исследования публиковались в издательстве «Наука» в Москве и Ленинграде, в научных сборниках Саратова, Самары, Горького и других городов. Всего им написано более 200 работ.

Больше всего Е.Г. Бушканец любил приобщать студентов, сотрудников и вообще всех окружающих к научной работе. Он постоянно уговаривал кого-нибудь писать диссертации, искать новые материалы, раздавал темы. От работы в библиотеке, в архиве, от научных открытий (однажды он сказал, что 70 раз в жизни был счастлив – столько раз находил в архивах никому не известные материалы) он получал огромное удовольствие и хотел, чтобы такая же радость была и у других людей.

Разные стороны деятельности литературоведа находят отражение в его личном архиве в различных источниках. Как и любой архив, личный архив литературоведа включает документы официального характера (дипломы, партийный билет, справки и пр.). Документы важны для реконструкции биографии ученого, они также передают дух своего времени, однако в целом они достаточно типичны, и принципы работы с ними хорошо известны. Намного интереснее, на наш взгляд, источники личного происхождения, о которых в основном и пойдет речь.

Эти материалы могут быть как рукописными, так и печатными. К печатным относятся прежде всего опубликованные работы самого фондообразователя – статьи, монографии, сборники, оттиски. Для исследователя особенно интересны пометы автора: исправления опечаток, позднейшие комментарии, сделанные при подготовке к новым возможным изданиям, комментарии по поводу сокращений (сделанных как по цензурным требованиям, так и вследствие всегда ограниченного объема публикации). Часто ученый хранит рецензии, отзывы на свои работы.

Среди рукописных материалов огромную ценность представляют рукописи научных работ, отзывов, рецензий, тексты докладов и выступлений на конференциях, тексты диссертаций и пр. Рукопись литературоведа докомпьютерного времени (написанная от руки или напечатанная на машинке) имеет характерный вид: страницы черновика при правке разрезались, части менялись местами, и пухлая рукопись вся состояла из склеенных фрагментов. В архиве Е.Г. Бушканца сохранились рукописи неопубликованных работ. Если книга «Юность Льва Толстого. Казанские годы» (см. [9]) была издана нами уже после его смерти, то книга о русских писателях в Казани пока существует только в рукописи.

Еще одна большая группа рукописных источников – это письма. В архиве Е.Г. Бушканца сохранилось несколько тысяч писем. Все они еще при жизни были систематизированы ученым и разложены по папкам. Осознавая огромную ценность писем, ученый просил наследников через несколько десятилетий после его смерти передать их в архив ИРЛИ (Пушкинского Дома) либо РГАЛИ.

Первая подгруппа этого вида материалов – письма писателей. В архиве Е.Г. Бушканца сохранились письма писателей (или их потомков), касающиеся их связей с Казанью.

Деятиклассник и участник школьного литературного кружка обратился к известному тогда советскому писателю А. Серафимовичу с просьбой рассказать об одном из героев его романа «Железный поток», имевшем отношение к Казани. И вот какой получил ответ:

«Дорогой товарищ Бушканец,

мне кажется Вам надо построить Вашу работу по «Жел. Пот.» исключительно¹ по тексту произведения. Станете Вы рыться по газетам, ничего Вы там не найдете. Участников похода конечно не разыщите, в обоих случаях только время потеряете. По-моему вот какие вопросы надо решить:

1. Основная идея произведения, насколько она ценна, как она связана с революцией, как по этому вопросу, по вопросу об этой идее высказывался Ленин независимо от Жел. Пот.

2. Как художественно осуществлена эта идея.

3. Коренной внутренний недостаток Жел. Потока.

4. КТО основной герой в произведении.

5. Какие основные достоинства вещи.

Вот когда Вы составите тезисы, пришлите мне, мы потолкуем о дальнейшем разворачивании Вашей работы.

А. Серафимович.

Москва Дом Правительства, кв.256. 22.ХП.39»².

¹ Подчеркнуто двойной чертой.

² Здесь и далее материалы архива приводятся с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

Паника писателя и его стремление переключить внимание на художественную сторону произведения и тему революции были вызваны тем, что человек, ставший прототипом героя, только что был репрессирован (выяснилось все это, конечно, много позже), и неожиданное письмо испугало писателя и вызвало подозрения, что оно написано не школьником, а соответствующими органами и является провокацией.

С 1946 года Е.Г. Бушканец – Ученый секретарь Государственного краеведческого музея ТАССР, и он уже целенаправленно обращается к писателям и поэтам (А. Безыменскому, В. Вишневскому и др.) или их родственникам (Ирине Федоровне Шаляпиной, Софье Владимировне Короленко) с просьбой сообщить сведения об их связях с Казанью.

В 60-е годы XX века Е.Г. Бушканец был инициатором и редактором сборников «Казань в истории русской литературы», один из них со статьей о пребывании ряда писателей в Татарстане в годы Великой Отечественной войны был отправлен В.Г. Лидину.

«Дорогой Е.Г. Бушканец!

(Вы не сообщили Вашего имени и отчества). Спасибо за сборник «Казань в истории русской литературы», очень интересный; особенно интересен раздел о писателях в Казани во время войны.

Но автор статьи забыл упомянуть одно имя: Сергея Александровича Полякова, который умер в Казани в эвакуацию, похоронен там и могила его затерялась.

Между тем, С.А. Поляков сыграл немалую роль в истории нашей культуры: он был редактором – издателем журнала «Весы», выходившего в издательстве «Скорпион», с его именем связано, в частности, имя Валерия Брюсова. Кроме того, Поляков был первым переводчиком на русский язык «Пана» Лерберга, и блестящим переводчиком. Я пишу о нем в своей книге «Люди и встречи». Хорошо бы отыскать в Казани его могилу, а Литфонд привел бы ее в порядок.

Всего Вам доброго. В. Лидин.

22 апреля 1966 года. Москва».

«Уважаемый Ефим Григорьевич,

Я Вам писал как-то о С.А. Полякове: он жил в Казани в общежитии, устроенном для писателей в Доме печати, и там и умер в 1942 году. Может быть, эти координаты помогут узнать, где он похоронен?

Поручите это кому-нибудь из энтузиастов-студентов, у них хорошие чувства и длинные ноги. Конечно, это еще, вероятно, немного. А было бы хорошее дело найти могилу С.А. Полякова, Литфонд привел бы ее в порядок и поручил бы Казанскому отделению заботиться о ней.

Всего Вам лучшего.

Ваш В. Лидин. 19 июня 1966, Москва»¹.

С еще одного письма началось изучение темы «В.И. Качалов и Казань». Еще в 1939 г. Е.Г. Бушканец обратился с письмом к Качалову и его жене Нине Николаевне Литовцевой, как и ее известный муж, тоже бывшей артистке труппы Бородая в Казани, с письмом, в котором просил поделиться воспоминаниями о Казани. Качалов незадолго до этого перенес тяжелую болезнь, но попытался

продиктовать кое-какие воспоминания. Однако, как писал личный секретарь В.И. Качалова В. Виленкин, «по словам В.И., он просто забыл подробности своей казанской жизни, – попробовал вспомнить что-нибудь, чтобы продиктовать мне, но так ничего из этого и не вышло». Далее сообщалось, что Качалов ни с кем из своих бывших казанских знакомых не встречается. По его просьбе в музей МХАТа Е.Г. Бушканец направил копии газетных рецензий и некоторые другие материалы.

Но, пожалуй, наибольший интерес представляют письма известного писателя Вениамина Александровича Каверина, автора «Двух капитанов» и «Открытой книги». Роман В.А. Каверина «Перед зеркалом» (первая публикация: Каверин В. Перед зеркалом // Звезда. – 1971. – № 1–2) менее известен читателям, но именно его автор называл своей лучшей и любимой книгой о русской интеллигенции. Как и многие другие его произведения, она построена на реальных событиях и фактах, а герои имеют своих прототипов, поскольку, по мнению писателя, художественная правда всегда должна быть связана с подлинной жизнью.

В 60-е годы к В.А. Каверину попали старые письма, на основе которых он задумал роман. Параллельно повествованию о трагической судьбе героини-художницы, оказавшейся после 1917 года в эмиграции и умершей в 1938 или 1939 г., у которой была единственная выставка бесспорно талантливых картин в Париже, разворачивается рассказ о человеке, которого она любила всю жизнь, отношения с которым не складывались, а потом исторические потрясения и вовсе развели их. Поскольку молодость этого человека, реально существовавшего и ставшего героем задуманного произведения, была связана с Казанью, то в 1969 г. по рекомендации известного литературоведа и своего друга Ю.Г. Оксмана Каверин обратился к Е.Г. Бушканцу за помощью и на несколько дней приехал в Казань. Именно после посещения Казани окончательно оформилось решение писать роман «Перед зеркалом». Правда, первоначальный замысел вынужденно подвергся некоторым изменениям. В гостях у Е.Г. Бушканца Каверин рассказывал, что роман должен был завершаться тем, что письма героя прекратились, а также глухим указанием на то, что сам он «потерялся» в конце 30-х годов.

«Дорогой Ефим Григорьевич,

пишу Вам, чтобы еще раз поблагодарить за все, что Вы с такой добротой и вниманием сделали для меня. Я, вернувшись, просмотрел все записанное, и оказалось, что теперь можно продолжать работу с куда большей, чем прежде свободой. Ю.Г. звонил, но он на даче, а Евтушенко еще не видел. Жалею, что не посмотрел материалов, относящихся к первым в организации казанских вузов в первые послереволюционные годы (1921-22). Я думаю, что тут может помочь Вячеслав Васильевич², которому я собираюсь написать.

Ждем (мы с женой, которая сердечно кланяется Вам) Вас в Москву. Сердечный привет и благодарность милой Ирине Никифоровне и поцелуй – Лике.

Ваш В. Каверин. 25/УШ 1969».

---

¹ Могила не была найдена.

² В.В. Аристов, зав. отделом редких книг и рукописей Научной библиотеки КГУ им. Н.И. Лобачевского. Упоминание о Е. Евтушенко связано с тем, что незадолго до этого он приезжал в Казань для работы над поэмой «Казанский университет» и также обращался за консультациями к Е.Г. Бушканцу и В.В. Аристову.

«Дорогой Ефим Григорьевич,

большое, большое спасибо за Ваше письмо, за карточки, за все, что Вы для меня сделали и делаете. У меня работа в самом разгаре – следовательно, я вспоминаю Вас каждый день. Поездка оказалась не только необходимой – без новых «казанских» глав я уже не могу вообразить свой роман <...>. Так я был в Казани с какой-то «секретной миссией»? Еще бы. Ведь это в полной мере соответствует моему положению в литературе! Положение, впрочем, отличное. Иначе обо мне не узнали бы в Казани как о видном деятеле Союза писателей.

Одновременно с этим письмом посылаю Вам мою книгу «Двойной портрет». У меня вышла сказка, но я еще не получил авторские. Когда получу – пришлю для Вашей милой Лики.

Сердечный привет Ирине Никифоровне.

Ваш В. Каверин. 12/1X.1969».

Ирония автора письма связана с тем, что его положение в литературе было всегда сложным, он никогда не считался удобным для власти писателем. Что касается автографов В.А. Каверина, то они украшают издания автобиографического романа «Освещенные окна» (Москва, 1976 г.), исследования «Барон Брамбеус» (Москва, 1969 г.), романа «Перед зеркалом» (Москва, 1972 г. – «Дорогому Ефиму Григорьевичу Бушканцу с глубокой признательностью за неоценимую помощь»), тома «Сказок» (см. фото 1), а также книгу мемуаров «Собеседник» (Москва, 1973 г.), сохранившиеся в библиотеке литературоведа.

И вот наконец письмо, открывающее тайну прототипа героя романа:

«17.X.69. Дорогой Ефим Григорьевич,

пишу Вам из Ялты, куда мне переслали Ваше письмо. Большое, большое спасибо за библиографию, она мне очень нужна. Бог весть, достану ли я эти редкие издания в Ленинской? Надеюсь, что – да. Настоящая фамилия моего героя Павел Александрович Безсонов. Я нашел его в одном из отчетов Мат. Факультета. Рабфак он организовал при только что созданном Политехническом Институте.

Я продолжаю работу и надеюсь кончить ее месяца через три-четыре. Жалею, что Вы прочли уже устаревший вариант. Может быть, когда первая часть будет кончена, Вы позволите прислать ее Вам.

Извините, что я послал Вам «Брамбеус» вместо «Двойного портрета». Оказалось, что у меня нет ни одного экземпляра этого романа. Я постараюсь (неприменно!) достать его и pošлю Вам.

Сердечный привет Ирине Никифоровне. И поцелуйте милую дочку. Боюсь, что я забыл (не уверен) послать ей свою сказку «Летающий пингвин».

Крепко жму руку. Ваш В. Каверин».

В биографии героя романа Карновского многое действительно напоминает студента, затем преподавателя Казанского университета Безсонова (см. [10]), о котором сохранились материалы в Национальном архиве РТ.

Вторая подгруппа писем – переписка с литературоведами, это важнейший источник по истории науки XX века, о чем свидетельствуют публикации переписки Ю.Г. Оксмана (см. только важнейшие из них: [11–19]). Тесные научные и личные контакты связывали казанского ученого с заведующими кафедрами литературы, докторами филологических наук Н.С. Травушкиным из Астрахани, А.П. Скафтымовым, А.А. Демченко, Н.М. Чернышевской, Т.И. Усакиной, П.А. Бугаенко

и многими другими саратовцами, П.В. Куприяновским и Л.А. Розановой из Иванова, М.М. Гином из Петрозаводска, П.Ф. Рейфманом и С.А. Исаковым из Тарту, Л.М. Фарбером, С.А. Орловым, М.Я. Ермаковой, Н.М. Фортунатовым из Нижнего Новгорода, Г.В. Курляндской из Орла, М.В. Теплинским – сначала из Южно-Сахалинска, потом из Ивано-Франковска, Ю.В. Лебедевым из Костромы, А.М. Гаркави из Калининграда, М.Т. Пинаевым, сначала нижегородцем, потом волгоградцем, а затем и москвичом, и др. Большую ценность представляет переписка с такими известными литературоведами, как Ю.Г. Оксман, С.А. Рейсер, И.Г. Ямпольский и др.

Переписка литературоведа как вид источников, во-первых, отражает историю литературоведения как социального института: переписка содержит материалы об организации конференций, изданиях сборников, о взаимоотношениях с обкомами, горкома и прочими «руководителями» науки. Много в письмах отражает «научный быт» этого социального института. Условия этого «научного быта» – множество препятствий для честной и серьезной работы, следствием чего была утрата научных школ, потеря навыков добросовестного литературоведческого исследования и прочее. Все это уже тогда, во второй половине XX в., вызывало не просто возмущение, но чувство ужаса: «Читатель может подумать: да надо ли было так горячиться, негодовать из-за какой-то глупости, дичи, ахинеи? Но Оксман и Азадовский трубили тревогу потому, что литературная наука на их глазах трансформировалась в антинауку, в агитпроповский филиал ЦК КПСС. Марк Константинович еще в 1943 году предупреждал Н.К. Гудзия: “Нужно сказать громко и ясно, в области филологической науки мы стоим перед катастрофой, – нам грозит полный регресс”» [20]. Ситуация того времени во многом определила современную культурную ситуацию, в которой особенно остро стоит вопрос о легитимности литературоведения как науки.

Во-вторых, эта переписка отражает самосознание российской интеллигенции, позволяет многое реконструировать в самосознании гуманитарной интеллигенции, в том числе в связи с интересной постановкой вопроса Е.А. Тоддесом о том, что отношение ученого к советской идеологии, в условиях которой происходило становление и творческая работа литературоведа, можно означить как адаптацию и интериоризацию [21]. В частности, сам факт активной переписки – что было нормой времени – позволял представителю интеллигенции ощущать себя как часть элитарной интеллектуальной группы, так и частью именно российской интеллигенции, сохраняющей традиции интеллигенции XIX века, которые «передавались по наследству» и были некоторой формой внутреннего диссидентства. Переписка выполняла важную функцию – была взаимной поддержкой в зачастую очень тяжелых нравственных условиях. Большое место в ней занимают «миниотчеты» о проведенных конференциях, лекциях – литературовед как «наследник традиций» должен был оставаться «деятелем». Показательно, насколько значимым для Е.Г. Бушканца, начинающего литературоведа, было начало в 50-е годы переписки с Ю.Г. Оксманом. Опальный, только освободившийся из лагерей и работавший в Саратове, Оксман продолжал неофициально быть одним из самых авторитетных литературоведов, а потому его поддержка означала первое настоящее научное – и не только – признание.

Фото 2

Фото 4

Фото 5

И, наконец, письма литературоведов выполняют еще одну важную функцию: они являются источником по истории литературоведческой мысли, отражая этапы архивных, источниковедческих разысканий, взаимную помощь в уточнении ссылок и прочего, они содержат взаимные рецензии и полемику. В целом переписка отражает как норму общения высокую требовательность литературоведов друг к другу: «В жизнеописаниях героев XX века на роль властительницы их судеб обычно претендует политика. Вот и переписка Марка Константиновича Азадовского и Юлиана Григорьевича Оксмана, изданная “Новым литературным обозрением”, уже в предисловии, озаглавленном “Письма ученых как зеркало эпохи”, включена в политическую историю XX века. <...> Правда, судьбы Азадовского и Оксмана дают основание для такого взгляда. Ю.Г. Оксман, пушкинист и декабристовед, издатель произведений русских классиков, был репрессирован в 1936 году и провел на Колыме почти десять лет. <...> Отчетливая гражданская позиция, занятая Оксманом в 1960-х, дала возможность автору предисловия назвать его участником «освободительного движения 50–60-х гг. нашего столетия» (то есть диссидентского движения). <...> Перевоплотиться из ученого в профессионального революционера он согласился бы едва ли. Думать так позволяют нам сами письма. Вчитываясь в них, мы чувствуем, что средоточие жизни их авторов – это филологическое исследование; все остальное: мытарства по издательствам, травля, быт – периферия, которая, увы, слишком назойливо и болезненно обращает на себя внимание. <...> Наблюдая за диалогом ученых, мы понимаем, почему научное творчество – творчество коллективное. Коллективное в том смысле, что верное понимание текста – это плод живого обмена мнениями, плод взаимной критики и обсуждения, проверки полученных результатов другими исследователями. Именно потому столь велика для нормального развития науки роль научной общественности. Недаром Азадовский и Оксман, как это видно из писем, особенно болезненно переживали деградацию научного сообщества, начало которой им пришлось наблюдать. Сегодня уровень этого сообщества еще ниже, чем в начале 1950-х, интерес к строгому знанию ничтожен, да и само представление о науке подменено постмодернистскими суррогатами» [22].

Специфика переписки литературоведов как источника заключается в том, что неочевидным, но важным третьим участником диалога являются сами исследования, становившиеся в письмах предметом обсуждения и полемики. Вне этого контекста переписка теряет смысл. В частности, всеми этими особенностями обладают письма Натана Яковлевича Эйдельмана. Всего писем ученого в личном архиве Е.Г. Бушканца сохранилось 11.

«3-III 63 г. Дорогой Ефим Григорьевич!

Посылаю только что выпеченный экземпляр «Бахметева», надеюсь на соответствующий «эквивалент».

С Еленой Петровной Подъяпольской – беседовал. Она очень взволновалась: Павел Подъяпольский – это ее дед. Минх – тоже ее близкий родственник. Если это – Григорий Николаевич Минх, значит, у Чернышевского учился врач с мировым именем, причем неоднократно подвергавшийся преследованиям за левые убеждения. Елена Петровна – сотрудница Института истории, Ваш доклад она после разговора со мной прочла, мне сказали, что она будет очень рада, если Вы ей напишете. Адрес ее такой <...>.

Теперь – еще один сюжет: очень Вам благодарен за то, что ткнули меня в материалы о Лобачевском и мемуары П.П. Перцова. Действительно, П.П. Перцов был племянником Эраста, Владимира и др., и умер всего (пару – зачеркнуто) несколько лет назад! В Архиве Академии наук, оказывается, лежат неопубликованные мемуары П.П. Перцова (старшего) – брата Эраста и Владимира. Я их уже заказал. Но вот что любопытно: в своих мемуарах П.П. Перцов (младший) пишет, что, когда он в 1894 г. в Казани составлял хрестоматию лучших стихотворений молодых поэтов, ему помогал «двоюродный брат Владимир Владимирович (!) Перцов – тогда студент лесного института (впоследствии заведующий статистикой Казанского губернского земства; скончался в августе 1921 г.)»

«Эге! – сказал я. Вот сын моего героя. А нет ли у сына сыновей или внуков? А не живут ли они в Казани и не прячут ли за пазухой ценнейшие бумаги?»

Ефим Григорьевич! Понимаю, сколь Вам некогда, и не смею затруднять Вас. Но нельзя ли узнать – существует ли в Казани сейчас ветвь Перцовых? Куда, к кому мог бы я написать etc. Хотя б один адрес! Была б «зацепка» – ей-ей, в Казань бы ринулся.

Вот дела какие.

Продолжаю подчищать свой труд о корреспондентах – надеюсь вскоре угостить Вас экземпляром оного.

Жду Ваших писем. Жму руку. Н.Я. Эйдельман».

«Дорогой Ефим Григорьевич!

Как всегда замедленно отвечаю.

Простите: скрылся из Москвы, лихорадочно доделывая свою книгу о Сергее Муравьеве-Апостоле для серии «Жизнь пламенных революционеров» в Госполитиздате (как видите, в форме извинения я сообщил и о главных своих занятиях)¹.

Большое спасибо за Ваш очень интересный труд, который прочел весьма внимательно². Мне он особенно интересен, потому что сильно погрузился в декабристские материалы, в частности, в чрезвычайно знаменитые и в сущности не изученные записки Пущина о Пушкине: классическая ситуация – обстоятельные воспоминания 1858 года о событиях 30–40-летней давности.

Достоинством и, может быть, одновременно недостатком Вашего труда является обилие вопросов, которые хотелось бы задать автору:

1) Как Вы относитесь к следующему утверждению, которое я слышал от нескольких иностранных ученых: отдельный дневник чаще более точен, чем отдельные мемуары, но совокупность мемуаров о том или ином событии или периоде дает больше, чем сумма дневников?

2) Какое место по шкале мемуарных ценностей занимает проблема исторической, социальной психологии? Ведь воспоминания двух мещан о Чернышевском у Вас рассматриваются только под углом Н.Г. – а это же «прелестная» картина быта, нравов. В самом вранье Суворина³ разве нет большей ценности для исследователя, помимо чисто некрасовской темы!»

Есть еще вопросы, но более мелкие. Надеюсь задать их Вам при встрече.

Да, вот еще один: не попадалась ли Вам литература, более или менее четко классифицирующая типы мемуарной памяти, склонность тех или иных людей к запоминанию специфических для них подробностей?

Вот, пожалуй, и все. Что-то давно не видел Вас. Большое спасибо за память.

Желаю здравия и благополучия, Ваш Н. Эйдельман. 9 апреля 1975».

¹ Речь идет о книге «Апостол Сергей: Повесть о Сергее Муравьеве-Апостоле» (см. [23]).

² Имеется в виду работа Е.Г. Бушканца «Мемуарные источники» (см. [24]).

³ Имеются в виду воспоминания случайных гостей Н.Г. Чернышевского в Астрахани и мемуары А. Суворина о нищенской молодости Н. Некрасова в Петербурге.

К переписке примыкает такой вид источника, как адресная книжка.

Следующая большая группа рукописных источников в архиве литературоведа – автографы на книгах, оттисках, авторефератах и т. п. Дарственные надписи позволяют проследить путь Е.Г. Бушканца от начинающего литературоведа до крупного ученого, показывают, как расширялся круг его научных контактов. Книг и оттисков отдельных работ с автографами в его библиотеке около 400, из них более 150 переданы в Научную библиотеку им. Н.И. Лобачевского. Их авторы – отечественные историки и литературоведы нескольких поколений, с 50-х по 80-е годы XX в.: В.Э. Боград, Б.Я. Бухштаб, С.С. Дмитриев, Б.С. Итенберг, Р.Г. Эймонтова, И.Г. Ямпольский, Н.К. Пиксанов, Ю.Д. Левин, Н.И. Пруцков, Б.П. Козьмин, В.А. Бочкарев, М.Г. Зельдович, Г.В. Краснов, Ю.В. Лебедев, С.Н. Орлов, Г.Б. Курляндская, Н.Е. Лейкина-Свирская, Е.Л. Рудницкая, М.Л. Семанова, Т.И. Усакина, Н.М. Чернышевская и многие другие.

Большой комплекс книг с автографами – это книги историков и филологов саратовской школы: И.В. Пороха, Н.А. Троицкого и др. На сборнике «Из истории общественной мысли и общественного движения в России» (Саратов: Изд-во СГУ, 1964) стоят автографы авторов статей: «Дорогому Ефиму Григорьевичу Бушканцу – казанцу-саратовцу с новогодним приветом и наилучшими пожеланиями. И. Порох, Т. Усакина. – 28.XI.1964, Саратов». Большую ценность представляет издание «Ученые записки. – Т. XXXI: Сб. статей, посвященных Белинскому» (Саратов, 1952) с автографами сразу трех крупнейших исследователей: «Глубокоуважаемому Ефиму Григорьевичу Бушканцу. Е. Покусаев, А. Скафтымов, Ю. Оксман».

Работа над докторской диссертацией способствовала установлению тесного сотрудничества с историками, но уже московскими. Это группа по изучению революционной ситуации в России. Тогда, в 60-е годы, начались тесные научные контакты с М.В. Нечкиной, Е.Л. Рудницкой, С.С. Дмитриевым. Интересны такие издания, как «Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.» (М.: Изд-во АН СССР, 1960) с автографом М. Нечкиной; «История СССР периода капитализма» С.С. Дмитриева, В.А. Федорова, В.И. Бовылкина (М.: Изд-во МГУ, 1961) с дарственной надписью С.С. Дмитриева и др.

Е.Г. Бушканец поддерживал тесные контакты с музеями страны, особенно литературными, а среди них – Ясная Поляна и Спасское-Лутовиново. Так формируется еще один комплекс книг в личной библиотеке ученого – работы на краеведческую тематику Н.А. Милонова, Е.Д. Петряева и др. Интересна запись: «Казанскому коллеге – «провинциалисту» Ефиму Григорьевичу Бушканцу, труды которого я хорошо знаю и высоко ценю, о чем прямо и заявил на страницах книги, – с уважением Ал. Ласунский, Воронеж, 15.12.1985» (Ласунский О.Г. Литературно-общественное движение в русской провинции. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985). Именно как с музейным работником тогда познакомился Е.Г. Бушканец с известным историком Н.Я. Эйдельманом, встречи и переписка с которым продолжались до конца 80-х годов. Первая подаренная этим ученым книга – «Герценовский “Колокол”» (М.: Учпедгиз, 1963) с автографом «Дорогому Е.Г. Бушканцу от (пока еще!) музейного коллеги – с самыми лучшими пожеланиями. Н. Эйдельман. 2.X.1963». Автографы этого ученого всегда нестандартны, например на оттиске статьи «Об историзме в научных биографиях» (История

СССР. – 1970. – № 4) – «Дорогому Ефиму Григорьевичу – еще порция эйдельмановщины. Н. Эйдельман. 30.X.70».

Книги с автографами появляются в библиотеке ученого разными путями. Часто это происходит благодаря встречам на конференциях, или же это книги, с которыми Е.Г. Бушканец познакомился еще в рукописи, то есть был их рецензентом («Мудрому рецензенту и первому читателю – Ефиму Григорьевичу Бушканцу – искреннее пожелание всех, всех благ и глубочайшая признательность за сказанное им «Добро!» Май 1973. Розанова» – надпись на книге: Розанова Л.А. Н.А. Некрасов и русская рабочая поэзия. – Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1973). Часто короткие надписи на книгах становятся микрорецензиями или продолжением полемики. Книга С.А. Рейсера «Палеография и текстология нового времени» (М.: Просвещение, 1970) сопровождается надписью: «Дорогому Ефиму Григорьевичу Бушканцу с искренним уважением и полемикой (см. текст). С.Р. 10.02.71».

Литературный дар и остроумие разнообразят такой, казалось бы, скучный жанр, как дарственные надписи. Доктор филологических наук, специалист по нелегальной русской поэзии середины XIX века Н.В. Карпов на оттиске статьи «Антиклерикальная и антирелигиозная тема в вольной русской поэзии» (в сб.: Вопросы поэзии и драматургии. – Вып. 2 / Науч. тр. Куйб. ГПИ, Т. 187. – Куйбышев, 1977) написал: «Глубокоуважаемому Ефиму Григорьевич Бушканцу – сердечно от автора статьи на... мистически-алкоголическую тему. г. Калуга. Н. Карпов. 26.У1.1978». В.Г. Прокшин на титульном листе книги «Н.А. Некрасов. Путь к эпосе» (Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1979) выразил пожелание: «На добрую память Ефиму Григорьевичу Бушканцу. ...Буду рад, коли понравится, Не понравится – смолчу... Но знать об этом я хочу! В. Прокшин, 8.1.80». Когда Б.Ф. Егоров переехал в Тарту, то последовал целый цикл оттисков его статей с автографами из «Трудов по русской и славянской филологии» (Учен. зап. Тартуского ун-та) с 1954 по 1973 год. Например: «Дорогому Ефиму Григорьевичу Бушканцу с пожеланием встретить Новый год на уровне Ап. Григорьева! Б.Е. 27.XII.63»¹ (Учен. зап. Тартуского ун-та. 1963. Т. 139, вып. 6).

Книги с автографами – это и уникальные свидетели научной жизни определенного времени, и микрописьма, раскрывающие увлекательный мир человеческих взаимоотношений.

Еще одна группа рукописных материалов – выписки из источников, копии, в том числе самиздата советского времени. В архиве литературоведа сохраняются найденные им, но не опубликованные полностью источники, копии архивных документов и т. д. Только один пример. Интерес к казанским годам жизни В.И. Качалова привел к тому, что Е.Г. Бушканец «сплошь» просмотрел все казанские газеты начала XX в. и выявил упоминания об артисте в театральных рецензиях, обнаружил дома, в которых артист жил. Далеко не все собранное исследователем обычно входит в статью, и за пределами опубликованных Е.Г. Бушканцем материалов остался интересный эпизод. Анастасия Степановна Михайлова, по сцене Светланаова, вспоминала: «Смешной случай однажды произошел в женской гимназии, в седьмом классе. На уроке математики преподаватель

¹ Поэт Аполлон Григорьев был известен, кроме прочего, пристрастием к алкоголю.

вызывает ученицу к классной доске для решения алгебраических формул. Ученица быстро пишет и одну из формул обозначает не обычными латинскими буквами, а буквами “В.И.К.”. Преподаватель смотрит на доску, на ученицу... Пауза... Затем спрашивает: “Что такое В.И.К.?” “Конечно, Василий Иванович Качалов”, – говорит ученица. “Не годится Качалова вмешивать в алгебраические формулы, я тоже его поклонник, но все-таки...” В классе в это время происходит какой-то легкий шум: парты открылись и быстро закрылись. Это прятались учебники алгебры, в которых были портреты Качалова. Говорилось так: “Это ничего, что попадешь в кабинет к начальнице и получишь выговор за неуместное хранение портрета Качалова, а страшно то, что карточку отберут, а некоторые с подписью Качалова”. Каких только трудов, усилий стоило подписать карточку! Некоторые гимназистки откровенно сознавались: если карточка Качалова со мной, то все будет благополучно. Счастье приносит...»

Культура литературоведческого труда всегда была связана с культурой ведения научных карточек с библиографическими выписками, выписками из источников. «Сокровища выписок» Е.Г. Бушканца хранились в специально заказанной картотеке.

Следующая большая группа рукописных источников – список научных трудов литературоведа. Для ученого, воспитанного на традициях XIX – XX вв., было важно, что его работы востребованы – как коллегой-профессионалом, так и просто читателем, интересующимся литературой: для него писали авторы, работавшие в жанре «литературоведческих разысканий», – И. Андроников, Н. Эйдельман, Е. Бушканец и др. Именно потому Е.Г. Бушканец вел журнал с собственным «индексом цитирования»: список публикаций с указанием ссылок на его работы, полемических упоминаний и прочего по поводу каждой статьи (см. фото 2).

Еще одна группа рукописных источников – материалы заседаний научных групп, семинаров. В 60-е годы Е.Г. Бушканец принимал участие в работе группы по изучению революционной ситуации в России 50–60-х годов XIX столетия при Институте истории АН СССР, непосредственным руководителем которой была академик М.В. Нечкина. Материалы выступлений представляли заранее, и после объемного (около часа) доклада начиналось его бескомпромиссное обсуждение. В личном архиве сохранились не только сами доклады, но и вопросы к ним, краткие записи выступлений оппонентов. 1 декабря 1960 г. Е.Г. Бушканец выступил с докладом «Революционные стихотворения-прокламации конца 1850-х – начала 1860-х годов», после нескольких десятков вопросов в обсуждении приняли участие М.В. Нечкина, В.А. Дьяков, П.А. Зайончковский, Я.И. Линков, В.В. Пугачев и др.: обсуждалась методология подхода к массовой политической поэзии (что предпочтительнее – взгляд филолога или взгляд историка), значение открытия нового вида источников, бурные споры развернулись по поводу оценки отдельных личностей середины XIX в. Не все докладчики выдерживали многочасовую полемику, но такое обсуждение – всегда стимул для дальнейшей серьезной работы, потому и сделанные на заседании группы доклады вырастали в большие и серьезные труды.

Особый интерес представляют сохранившиеся программы конференций, пометы на них, краткие конспективные записи и комментарии к докладам. Зачастую

это единственный источник, позволяющий наряду с опубликованными отчетами реконструировать дискуссии на научных конференциях.

Помимо печатных и рукописных материалов личный архив включает в себя и особый вид источников – фотографии самого ученого (на конференциях, в аудитории на лекции и др.) или сделанные им фотографии коллег. Е.Г. Бушканец, увлекавшийся фотографией (во времена черно-белых пленок он сам проявлял их и печатал дома, тщательно занавешивая окна), был летописцем многих научных встреч. Особый интерес представляют фотографии, сделанные на конференциях (фото 3). В личном архиве Е.Г. Бушканца представлены и сделанные им самим фотографии В.А. Каверина во время прогулки по Казани и около дома литературоведа (фото 4 и 5).

Очень важная рукописная группа источников (к сожалению, отсутствующая в архиве Е.Г. Бушканца) – автобиографии, дневники, записные книжки, воспоминания.

И, наконец, нужно назвать такую группу материалов, которая связана с преподавательской деятельностью литературоведа. В архиве Е.Г. Бушканца сохранились конспекты лекций, отчеты о посещении занятий членов кафедры, отчеты о работе кафедры, тематика дипломных работ. Впрочем, это уже источники по истории не науки, а литературоведческого образования.

Summary

L.E. Bushkanets. Personal Archive of a Literary Critic as a Complex of Scientific Sources (The Archive of Professor E.G. Bushkanets Case Study).

The article considers personal archive of a literary critic as a complex of sources and analyzes its specificity. It studies the archive of Professor E.G. Bushkanets, whose scientific activity is connected both with the Kazan University and the Kazan State Pedagogical Institute. The analysis of such kind of data is necessary for further research of late 20th century Russian literary criticism. The article contains valuable data that has never been published before.

Key words: personal archive sources, history of late 20th century Russian literary criticism.

Литература

1. *Лотман Ю.М.* Воспитание души. – СПб.: Искусство-СПб., 2003. – 624 с.
2. *Лотман Л.* Воспоминания. – СПб.: Нестор-История, 2007. – 291 с.
3. *Егоров Б.Ф.* Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана. – М.: НЛО, 1999. – 384 с.
4. *Гаспаров М.Л.* Записи и выписки. – М.: НЛО, 2008. – 388 с.
5. *Егоров Б.Ф.* Воспоминания. – М.: Нестор-История, 2004. – 472 с.
6. Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре: Статьи, публ., воспоминания, материалы. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2010. – 340 с.
7. Литературоведы Саратовского университета, 1917–2009: Материалы к биографическому словарю. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2010. – 287 с.
8. *Русакова Н.А.* Описание материалов личного архива профессора В.А. Бочкарева, находящихся на хранении в Госархиве Самарской области // Самарские филологи. Виктор Алексеевич Бочкарев. – Самара: Изд-во СГПУ, 2006. – С. 206–210.
9. *Бушканец Е.Г.* Юность Льва Толстого. Казанские годы. – Казань: Kazan – Казань, 2008. – 143 с.

10. Бушканец Л.Е. Образ Казани в романе В.А. Каверина «Перед зеркалом» // Коды русской классики: «Провинциальное» как смысл, ценность и код: Материалы II Международ. науч.-практ. конф. (Самара, 29–30 нояб. 2007 г.). – Самара: Самар. ун-т, 2008. – С. 254–260.
11. «Искренне Ваш Юл. Оксман»: (Письма 1914–1970 годов) / Публикация М.Д. Эльзона; предисл. В.Д. Рака; примеч. В.Д. Рака и М.Д. Эльзона // Рус. литература. – 2004. – № 1. – С. 145–199.
12. Абросимова В.Н. «Правда всегда одна!» Письма академика Н.М. Дружинина Ю.Г. Оксману // Вестн. РАН. – 2000. – № 12. – С. 1120–1126.
13. Абросимова В.Н. Из саратовской почты Ю.Г. Оксмана // Новое лит. обозр. – 1998. – № 34. – С. 205–230.
14. Азадовский М.К., Оксман Ю.Г. Переписка. 1944–1954. – М.: Новое лит. обозр., 1998. – 410 с.
15. Грибанов А.Б. Ю.Г. Оксман в переписке Г.П. Струве // Седьмые Тыняновские чтения. – Рига; М., 1995–1996. – С. 495–505.
16. Из архива Гуверовского института. Письма Ю.Г. Оксмана к Г.П. Струве / Публ. Л. Флейшмана // Stanford Slavic Studies. – Stanford, 1987. – V. 1. – P. 15–70.
17. Из переписки Ю.Г. Оксмана / Вступ. ст. и примеч. М.О. Чудаковой, Е.А. Тоддеса // Четвертые Тыняновские чтения. – Рига, 1988. – С. 96–168.
18. Оксман Ю.Г., Чуковский К.И. Переписка. 1949–1969 / Предисл. и коммент. А.Л. Гришунина. – М.: Языки славян. культуры, 2001. – 183 с.
19. Письма Ю.Г. Оксмана к Л.Л. Домгеру // Темы и вариации: Сб. ст. и материалов к 50-летию Л. Флейшмана. – Stanford, 1994. – С. 470–544.
20. Селезнев В. Рец. [Марк Азадовский. Юлиан Оксман. Переписка. 1944–1954] // Волга. – 1999. – № 2. – URL: <http://magazines.russ.ru/volga/1999/2/azadov.html>, свободный.
21. Тоддес Е.А. Б.М. Эйхенбаум в 30–50-е годы: К истории советского литературоведения и советской гуманитарной интеллигенции // Тыняновский сборник. – М.: ОГИ, 2002. – Вып. 11: Девятые Тыняновские чтения. – С. 563–694.
22. Беглов А. Тусклое стекло [Рец. на: М. Азадовский. Ю. Оксман. Переписка. 1944–1954]. – М.: Новое лит. обозр., 1998. – 410 с. – URL: <http://old.russ.ru/journal/kniga/98-08-19/beglov.htm>, свободный.
23. Эйдельман Н. Апостол Сергей: Повесть о Сергее Муравьеве-Апостоле. – М.: Политиздат, 1975. – 391 с.
24. Бушканец Е.Г. Мемуарные источники. – Казань: Казан. пед. ин-т, 1975. – 98 с.

Поступила в редакцию
24.01.12

Бушканец Лия Ефимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: lika_kzn@mail.ru